

Август 1939 года: цугцванг Сталина

© К.В. Федоров

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Дана объективная оценка советско-германскому пакту о ненападении и его последствиям на основе анализа альтернатив 1939 г. Рассмотрены различные сценарии развития событий накануне и в начале Второй мировой войны. Сделан вывод о том, что сложившуюся ситуацию можно описать шахматным термином «цугцванг», поскольку из нее не было безопасного выхода, и Сталин считал, что он выбрал меньшее зло, принимая решение заключить пакт о ненападении с Германией.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, советско-германский пакт о ненападении, секретный дополнительный протокол, разгром Польши, принцип альтернативности, цугцванг*

Цугцванг — шахматный термин, буквально означающий «принуждение к ходу». Так называется положение, когда шахматист обязан сделать ход, но у него нет полезных ходов, и любое решение ухудшит его позицию. Именно такая ситуация сложилась для И.В. Сталина в августе 1939 г.

За 80 лет, прошедших с начала Второй мировой войны, опубликованы тысячи книг и научных статей об объективных и субъективных причинах этой страшной трагедии. Но политиков, ученых-историков и обычных людей по-прежнему волнует проблема ответственности за развязывание Второй мировой войны. Они пытаются понять, можно ли было спасти мир и избежать миллионов человеческих жертв и огромных разрушений, когда был перейден тот Рубикон, после которого события приняли необратимый характер.

Зарубежная историография в цепи событий, предшествовавших нападению Гитлера на Польшу, отводит решающее значение Договору между Германией и Советским Союзом о ненападении от 23 августа 1939 г. Среди западных историков со времен холодной войны утвердилось мнение, что, заключив пакт с Гитлером, Сталин отдал ему на растерзание Польшу и направил фашистскую агрессию на Запад. Этот тезис в различных вариациях повторяется современными зарубежными авторами. Так, британский историк Р. Эванс пишет: «...Для этого соглашения у обеих сторон были веские причины. С точки зрения Гитлера, оно было необходимо для обеспечения согласия Советов на немецкое вторжение в Польшу. В противном случае крайне отчетливой становилась возможность кошмарного сценария с вторжени-

ем, перерастающим в европейскую войну на двух фронтах. Для Сталина оно давало отсрочку и открывало заманчивые перспективы масштабной войны между двумя европейскими капиталистическими державами вплоть до их взаимного уничтожения» [1, с. 750–751].

Другой британский историк Р. Мурхаус называет советско-германские отношения в начале Второй мировой войны «дьявольским союзом», основой которого стал пакт Молотова — Риббентропа. Он утверждает, что договор между СССР и Германией привел к началу войны, изолировал Польшу, оставив ее между двумя враждебными соседями, и подорвал усилия западных держав воспрепятствовать Гитлеру [2, с. 16–17].

В последние годы критика советско-германского пакта 1939 г. превратилась в составную часть пропагандистской кампании, направленной на дискредитацию России в глазах мировой общественности. В 2009 г. Европейский парламент провозгласил 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. В унисон с западными политиками выступают политические элиты восточно-европейских стран и некоторых бывших республик СССР. 20 октября 2016 г. парламенты Польши, Украины и Литвы приняли совместную Декларацию памяти и солидарности, в которой ответственность за развязывание Второй мировой войны возлагается на Германию и... Советский Союз.

В современной российской историографии предвоенных международных отношений можно выделить два направления: критическое и традиционалистское [3]. Представитель критического направления С.З. Случ утверждает, что после Мюнхенского соглашения от 29 сентября 1938 г. приоритетной внешнеполитической задачей Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией. По его мнению, СССР использовал отказ польского правительства пропустить Красную Армию через свою территорию в качестве «благовидного предложения» для торпедирования англо-франко-советских переговоров в августе 1939 г. [4, с. 318]. Анализируя политику Германии и СССР в отношении Польши, он пришел к выводу о том, что политические и военные цели национал-социалистического и советского руководства в отношении Польши в августе 1939 г. «фактически совпали» [4, с. 346–347].

«Традиционалисты» отстаивают тезис о вынужденности заключения пакта о ненападении с Германией и возлагают вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Запад. Они считают, что таким образом советское руководство отсрочило начало войны, аннулировало угрозу создания коалиции Германии, Англии и Франции против СССР, избежало войны на два фронта, расширило свою территорию, что позволило 22 июня 1941 г. встретить врага значительно западнее прежней границы [3]. Один из ведущих российских специа-

листов по интересующей проблематике М.И. Мельтюхов расценивает советско-германский пакт о ненападении как «большой успех» советской дипломатии, позволивший Советскому Союзу на определенное время остаться вне европейской войны, получить значительную «свободу рук» в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками. При этом автор подчеркивает, что пакт не был детонатором войны в Европе, поскольку в действительности к нападению на Польшу Гитлера подтолкнуло бездействие западных держав, которые вместо выполнения своего союзнического долга продолжали добиваться соглашения с Германией [5, с. 180–181].

Цель работы — дать объективную оценку советско-германского пакта о ненападении и последствий его заключения на основе анализа альтернатив 1939 г. Методологической основой статьи послужил принцип альтернативности.

Полемизуя с противниками изучения различных вариантов развития событий прошлого, И.Д. Ковальченко справедливо указал: «Игнорирование альтернативных ситуаций обедняет представления об исторической реальности. Изучение этих ситуаций позволяет более широко и глубоко охарактеризовать ход исторического развития». Одновременно ученый предостерегал коллег от «непреднамеренных ошибок», связанных с сложностью исторических альтернатив и трудностями их анализа [6, с. 82–83].

Историческую альтернативу, по мнению И.Д. Ковальченко, следует рассматривать в единстве образующих ее «объективных и субъективных факторов» [6, с. 84]. Причем ведущую роль в исторической альтернативе чаще играет именно субъективный фактор. Этот вывод полностью соответствует исторической обстановке, сложившейся в августе 1939 г., когда бремя принятия судьбоносных внешнеполитических решений лежало на И.В. Сталине.

Чтобы понять, было ли у Сталина решение, которое позволило бы обеспечить безопасность страны, не заключая с Германией пакт о ненападении, проанализируем вероятные сценарии развития событий лета — осени 1939 г. и ответим на некоторые вопросы в рамках трех исторических сценариев.

Первый сценарий. СССР отказывается от заключения с Германией пакта о ненападении. Напал бы Гитлер на Польшу? Началась бы Вторая мировая война? На эти вопросы ответ утвердительный.

Мировые войны начинались не вследствие подписания тех или иных договоров, пусть даже самых важных. В основе глобальных вооруженных конфликтов всегда лежали фундаментальные причины. В 1930-е годы генератором войны была агрессивная внешняя политика фашистской Германии. Общеизвестно, что 11 апреля 1939 г. была утверждена Директива гитлеровского верховного главнокомандова-

ния «О единой подготовке вооруженных сил к войне» на 1939–1940 гг., приложением к которой являлся план войны против Польши. По мнению М.И. Мельтюхова, с этого момента подготовка мировой войны вступила в фазу конкретного военного планирования [7].

23 мая 1939 г. на совещании высшего военного командования Третьего рейха Гитлер изложил военно-политические планы. Он заявил, что «достичь новых успехов без кровопролития уже нельзя», и поставил цель «при первой подходящей возможности напасть на Польшу». Но поскольку «проблему Польши невозможно отделить от проблемы столкновения с Западом», необходимо «исключить Запад из игры». Если это невозможно, то тогда лучше напасть на Запад и одновременно покончить с Польшей [8, с. 411–413].

К моменту подписания пакта о ненападении между Германией и СССР «маховик» подготовки Германии к войне уже набрал обороты. Экономика Третьего рейха была полностью милитаризована и характеризовалась опасными диспропорциями. Военное производство Германии в 3,5 раза превышало британское. Милитаризация промышленности осуществлялась за счет гражданских отраслей. Третий рейх нуждался в сырье, валюте, рабочей силе. Вермахт готовился к нанесению удара. Германские войска только первого эшелона насчитывали 2,758 млн человек [9]. В конце августа 1939 г. на границе с Польшей Гитлер сосредоточил 1,8 млн солдат, почти 2800 танков, более 2000 самолетов, свыше 10 000 артиллерийских орудий и гаубиц [10]. Германией была пройдена точка невозврата. Даже если бы пакт о ненападении между Германией и СССР не был заключен, в конце августа 1939 г. Гитлер уже не смог бы отменить или отложить на продолжительное время нападение на Польшу, поскольку это означало реальную угрозу экономического и политического краха Третьего рейха.

В случае отказа Сталина заключить договор с Германией Берлин был готов привести в действие иной план, предусматривавший соглашение с Западом. Документы свидетельствуют о том, что по инициативе британского посла в Германии Н. Гендерсона в Лондон был приглашен Г. Геринг, переговоры с которым без лишнего шума предполагалось провести в загородной резиденции премьер-министра Н. Чемберлена. Его визит был намечен на 23 августа 1939 г. Однако после заключения советско-германского пакта Гитлер посчитал нецелесообразным проведение этой встречи [11].

Таким образом, абсолютно беспочвенны обвинения СССР в том, что заключение с Германией пакта о ненападении спровоцировало военные действия на территории Польши, а затем и на Западе, что возлагает на СССР ответственность за начало Второй мировой войны.

Второй сценарий. СССР не заключает советско-германский пакт и после нападения Гитлера на Польшу вступает в войну против Гер-

мании. Можно ли было в этом случае рассчитывать на сотрудничество с западными державами? Насколько реальным было создание антигитлеровской коалиции в самом начале Второй мировой войны?

На наш взгляд, развитие событий по такому варианту было маловероятно.

В правительственных кругах западных держав в то время господствовали антисоветские настроения. В Лондоне и Париже считали, что СССР — ненадежный союзник, и недооценивали Красную Армию, ослабленную репрессиями. Лишь под давлением общественности, встревоженной агрессивной политикой Германии и разочарованной политикой умиротворения, правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье весной — летом 1939 г. пошли на переговоры с СССР. Они рассматривали эти переговоры в качестве средства давления на Гитлера и в течение всего периода предвоенного политического кризиса не оставляли попыток договориться с Германией [11].

Гарантии безопасности, предоставленные западными правительствами Польше, Румынии, Греции и Турции весной 1939 г., носили декларативный характер. Запад не собирался воевать из-за стран Восточной и Юго-Восточной Европы. 27 марта 1939 г. на заседании комитета по внешней политике британского парламента на вопрос, что произойдет, если Польша и Румыния будут сопротивляться германской агрессии, Э. Галифакс, глава Форин Офис, дал циничный ответ: «Мы не должны быть святее Иисуса Христа» [12].

Впрочем, и Сталин не доверял западным партнерам, подозревая, что они намереваются за его спиной заключить с агрессором «новый» Мюнхенский сговор и оставить СССР в изоляции против двух смертельно опасных врагов — Германии на западе и Японии на востоке. Важно помнить, что в момент, когда принималось решение о соглашении с Германией, Красная Армия вела ожесточенные бои с японцами на реке Халхин-Гол, в которых принимали участие с обеих сторон 127 тыс. человек, 680 танков и свыше 1 тыс. самолетов. Соглашение о прекращении военных действий было подписано только 15 сентября 1939 г. [10].

Дальнейшие события подтвердили обоснованность подозрений Сталина. Вступив во Вторую мировую войну после нападения Германии на Польшу, Англия и Франция вели «странную» или, как ее называют на Западе, «призрачную», «мнимую», «сидячую» войну, равнодушно наблюдая за тем, как Гитлер громит Польшу. В результате был упущен уникальный шанс покончить с фашистской Германией уже в сентябре 1939 г., ударив в тыл вермахту. Англия и Франция рассчитывали, что вслед за Польшей Гитлер нападет на Советский Союз. Нарком иностранных дел В.М. Молотов в речи на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. прямо обвинил западные правитель-

ства в срыве англо-франко-советских переговоров и стремлении спровоцировать войну между Советским Союзом и Германией [13].

После начала Второй мировой войны и без того напряженные отношения СССР с западными державами еще более ухудшились. Лондон и Париж были всерьез встревожены возможным вступлением СССР в европейскую войну на стороне Германии, поэтому В.М. Молотов дал указание полпреду в Лондоне И.М. Майскому подтвердить министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу советскую позицию нейтралитета, если «сама Англия своим поведением в отношении СССР не толкнет его на путь вмешательства в эту войну» [14, с. 130–131]. Аналогичная инструкция была дана полпреду в Париже Я.З. Сурицу.

На протяжении первого периода Второй мировой войны западные правительства проводили враждебную политику по отношению к СССР. Во время советско-финской войны они рассматривали возможность отправки на помощь Финляндии экспедиционного корпуса и даже планировали бомбардировку бакинских нефтяных месторождений [10].

Таким образом, предпосылки для сотрудничества будущих союзников по антигитлеровской коалиции осенью 1939 г. практически отсутствовали. Следовательно, отказавшись подписать пакт о ненападении с Германией и вступив во Вторую мировую войну, СССР подвергал себя риску остаться в полной изоляции.

Третий сценарий. СССР заключает пакт о ненападении с Германией, но не подписывает секретный дополнительный протокол к нему и не участвует в «разделе Польши». Остановилась бы тогда германская армия на линии Висла — Нарев — Сан?

В этом случае вермахт дошел бы до старой советско-польской границы и оккупировал бы всю территорию Польши уже осенью 1939 г.

По вине западных держав, бросивших Польшу на произвол судьбы, исход польской кампании был решен менее чем за три недели. 5 сентября Варшаву покинуло правительство, 7 сентября главнокомандующий польской армии Э. Рыдз-Смиглы принял решение перенести Ставку в Брест. После этого место ставки изменялось еще дважды. Фактически общее управление военными действиями было уже потеряно. 17 сентября польское правительство перебралось в Румынию. В тот же день заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин вручил польскому послу В. Гжибовскому ноту советского правительства, в которой было указано, что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать» и такое положение создает угрозу безопасности СССР. Советское правительство, как утверждалось в ноте, не может безразлично относиться «к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в

Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая» [14, с. 96]. Поэтому Красной Армии был дан приказ «перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [14, с. 96]. С аналогичным заявлением выступил по радио В.М. Молотов. Советским полпредам было рекомендовано опровергать слухи, что Москва и Берлин собираются поделить между собой весь мир, а расчленение Польши — это лишь первый шаг. Соглашение с Германией имело целью не совместную агрессию, а ее ограничение [15, с. 49–50].

К тому времени вермахт уже продвинулся восточнее линии Висла — Нарев — Сан, и нет сомнений, что он вышел бы на границу с СССР. Но демаркационная линия между СССР и Германией была определена заранее. Благодаря секретному протоколу СССР остановил наступление немецких войск на восток и предотвратил оккупацию всей территории Польши уже в 1939 г. Новая граница с Германией была отодвинута на 250–350 км к западу от Минска, Киева и Москвы, что имело огромное значение для обеспечения национальной безопасности СССР. Если бы Сталин пренебрег такой возможностью, историки обвиняли бы его в грубейшей политической ошибке.

Решение о подписании с Германией пакта о ненападении Сталин принимал в очень сложной международной обстановке, в условиях жесточайшего цейтнота. Захват фашистской Германией Чехословакии в марте 1939 г. положил начало предвоенному политическому кризису в Европе. Опасность мировой войны стремительно нарастала, а после неудачи англо-франко-советских военных переговоров в августе 1939 г. развитие событий приняло необратимый характер.

Сталин оказался в ситуации цугцванга, когда необходимо было действовать, но любое его решение несло в себе огромные риски и негативные последствия. Советский лидер из многих зол выбрал, как ему казалось, наименьшее, считая, что заключенный с Германией договор о ненападении позволит ему выиграть драгоценное время, необходимое для подготовки к войне, минимизировать опасность сговора западных держав с Германией и войны на два фронта. Но избежать мировой войны не удалось. Германская угроза не была устранена. До начала Великой Отечественной войны оставалось меньше двух лет. На тот момент все зависело от того, как будет использовано время, которое еще оставалось до нападения Гитлера на Советский Союз.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Эванс Р. *Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939*. Пер. с англ. Б. Кобрицова и А. Галактионова. Екатеринбург, У-Фактория; Москва, Астрель, 2010, 958 с.

- [2] Moorhouse R. *The Devils Alliance: Hitler's Pact with Stalin, 1939–1941*. N.Y., Basic Books, 2014, 432 p.
- [3] Смирнов В.П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков. *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков*. М.М. Наринский, С. Дембский, ред. Москва, Аспект Пресс, 2009, с. 9–45.
- [4] Случ С.З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 — август 1939). *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков*. М.М. Наринский, С. Дембский, ред. Москва, Аспект Пресс, 2009, с. 309–348.
- [5] Мельтюхов М.И. Советский Союз в европейской политике осени 1938 — лета 1939 года. *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков*. М.М. Наринский, С. Дембский, ред. Москва, Аспект Пресс, 2009, с. 149–181.
- [6] Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования*. Москва, Наука, 1987, 440 с.
- [7] Мельтюхов М.И. *Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (документы, факты, суждения)*. Москва, Вече, 2002, 544 с.
- [8] *СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (Сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы*. Москва, Политгиздат, 1971, 736 с.
- [9] Патрушев А.И. *Германия в XX веке*. Москва, Дрофа, 2004, 432 с.
- [10] *История международных отношений. В 3 т. Т. 2: Межвоенный период и Вторая мировая война*. А.В. Торкунов, М.М. Наринский, ред. Москва, Аспект Пресс, 2012, 496 с.
- [11] Капитонова Н.И. Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа-Молотова (от «умиротворения» к политике гарантий). *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков*. М.М. Наринский, С. Дембский, ред. Москва, Аспект Пресс, 2009, с. 207–237.
- [12] *Public Record Office*. London. 947. Cab. 27/625.
- [13] О ратификации советско-германского договора о ненападении. Сообщение тов. Молотова на заседании Верховного совета Союза ССР 31 августа 1939 года. *Известия*, 1939, № 202 (1 сентября). URL: https://100iz.ru/Gallery_id-8962
- [14] *Документы внешней политики. 1939*. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 2: Сентябрь — декабрь. Москва, Междунар. отношения, 1992, 688 с.
- [15] Чубарьян А.О. *Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года*. Москва, Наука, 2008, 476 с.

Статья поступила в редакцию 25.03.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Федоров К.В. Август 1939 года: цугцванг Сталина. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 3. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-3-609>

Федоров Константин Викторович — канд. ист. наук, доцент кафедры истории МГТУ им. Н.Э. Баумана. Специалист по истории России, внешней политики, истории государства и права. Автор более 50 научных статей и методических пособий. e-mail: fedorov@live.ru

August 1939: Stalin's zugzwang

© K.V. Fedorov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The study gives an objective assessment of the Soviet-German non-aggression pact and its consequences on the basis of an analysis of the alternatives of 1939. We consider various scenarios of the development of events shortly before and at the beginning of World War II. Findings of research show that the situation as it developed can be described with the chess term “zugzwang” because there was no safe way out of it, and Stalin thought that he had chosen the lesser evil, deciding to enter into a non-aggression pact with Germany.

Keywords: World War II, Soviet-German non-aggression pact, secret additional protocol, defeat of Poland, principle of alternativeness, zugzwang

REFERENCES

- [1] Evans R.J. *The Third Reich in power, 1933–1939*. New York, Penguin Press, 2005 [In Russ.: Evans R.J. Tretiy reikh. Dni triumfa: 1933–1939. B. Kobritsov, A. Galaktionov, transl. from Engl. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ.; Moscow, Astrel Publ., 2010, 958 p.].
- [2] Moorhouse R. *The Devils Alliance: Hitler's Pact with Stalin, 1939–1941*. N.Y., Basic Books, 2014, 432 p.
- [3] Smirnov V.P. Myunkhenskaya konferentsiya i sovetско-germanskiiy pakt o nenapadenii v diskussiyakh rossiyskikh istorikov [The Munich Conference and the Soviet-German non-aggression pact in the discussions of Russian historians]. *Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiyskikh i polskikh istorikov* [The international crisis of 1939 in interpretations of Russian and Polish historians]. Narinskiy M.M., Dembskiy S., ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009, pp. 9–45.
- [4] Sluch S.Z. Politika Germanii i SSSR v otnoshenii Polshi (oktyabr 1938 — avgust 1939) [The policy of Germany and the USSR in respect of Poland (October 1938 — August 1939)]. *Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiyskikh i polskikh istorikov* [The international crisis of 1939 in interpretations of Russian and Polish historians]. Narinskiy M.M., Dembskiy S., ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009, pp. 309–348.
- [5] Meltyukhov M.I. Sovetskiy Soyuz v evropeyskoy politike oseni 1938 — leta 1939 goda [The Soviet Union in the European politics of the autumn of 1938 — the summer of 1939]. *Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiyskikh i polskikh istorikov* [The international crisis of 1939 in interpretations of Russian and Polish historians]. Narinskiy M.M., Dembskiy S., ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009, pp. 149–181.
- [6] Kovalchenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 440 p.
- [7] Meltyukhov M.I. *Upushchennyi shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i borba za Evropu: 1939–1941 gg. (Dokumenty, fakty, suzhdeniya)* [Lost chance of Stalin. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1941. (Documents, facts, judgments)]. Moscow, Veche Publ., 2002, 544 p.
- [8] SSSR v borbe za mir nakanune vtoroy mirovoy voyny. *Sent. 1938 — avg. 1939 g.: Dokumenty i materialy* [The USSR in the struggle for peace shortly before the

- Second World War. Sept. 1938 — Aug. 1939: Documents and materials]. Moscow, Politizdat Publ., 1971, 736 p.
- [9] Patrushev A.I. *Germaniya v XXK veke* [Germany in the twentieth century]. Moscow, Drofa Publ., 2004, 432 p.
- [10] *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. V 3 t. T. 2: Mezhvoennyi period i Vtoraya mirovaya voyna* [History of international relations. In 3 vols. Vol. 2: Interwar period and the Second World War]. Torkunov A.V., Narinskii M.M., ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012, 496 p.
- [11] Kapitonova N.I. Politika Velikobritanii ot Myunkhena do pakta Ribbentropa-Molotova (ot «umirotvoreniya» k politike garantii) [GB policy from Munich to Molotov-Ribbentrop Pact (from “appeasement” to the guarantee policy)]. *Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiyskikh i polskikh istorikov* [The international crisis of 1939 in interpretations of Russian and Polish historians]. Narinskiy M.M., Dembskiy S., ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009, pp. 207–237.
- [12] *Public Record Office*. London. 947. Cab. 27/625.
- [13] *Izvestiya (Proceedings)*, 1939, no. 202 (September 1). Available at: https://100iz.ru/Gallery_id-8962
- [14] *Dokumenty vneshney politiki. 1939. T. XXII: V 2 kn. Kn. 2: Sentyabr — dekabr* [Foreign policy documents. 1939. Vol. XXII: In 2 books. Book 2: September — December]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1992, 688 p.
- [15] Chubaryan A.O. *Kanun tragedii: Stalin i mezhdunarodnyi krizis: sentyabr 1939 — iyun 1941 goda* [The eve of the tragedy: Stalin and the international crisis: September 1939 — June 1941]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 476 p.

Fedorov K.V., Cand. Sc. (Hist.), ssoc. Professor, Department of Histore, Bauman Moscow state Technical University, specialist in the history of Russia, foreign policy, history of state and law. Author of over 50 scientific papers and teaching aids.
e-mail: fedorov@live.ru